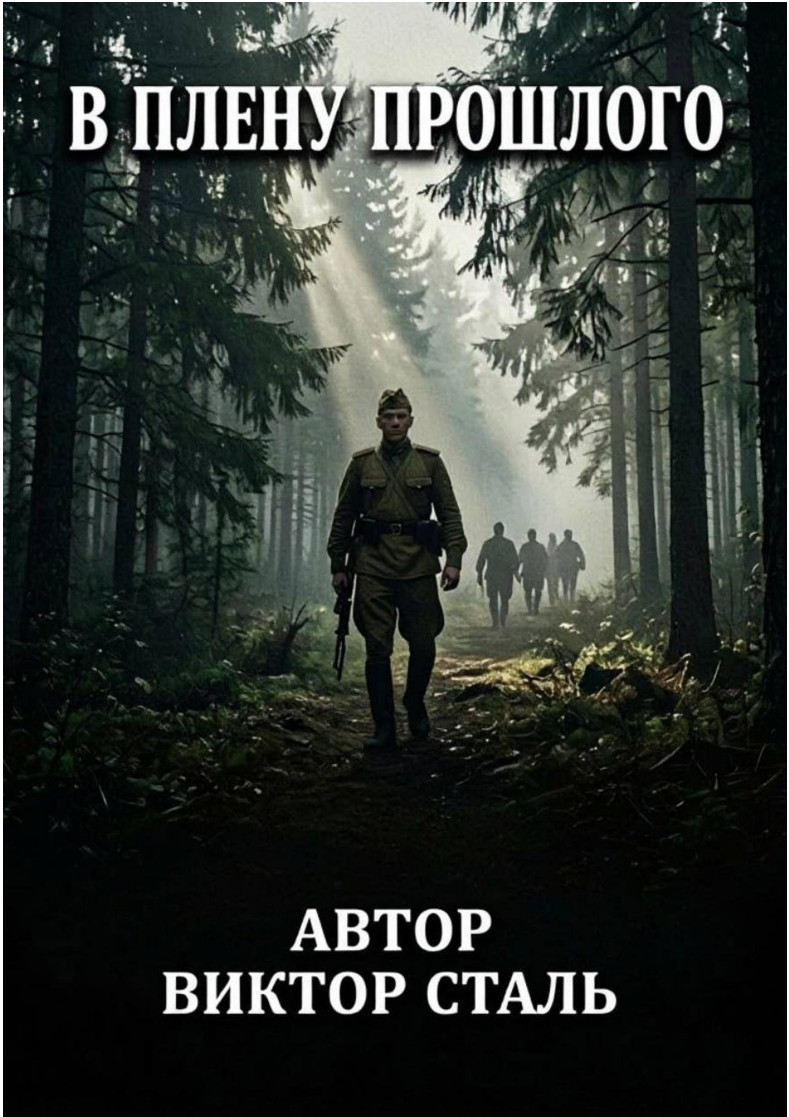

В ПЛЕНУ ПРОШЛОГО
АВТОР
ВИКТОР СТАЛЬ

Виктор Сталь
В плену прошлого

https://litres.ru/74794152
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история расскажет нам об одном человеке и его прошлом. И от истории воспоминаний, которые он бережно хранит в своем сердце, невозможно остаться равнодушным. Это взгляд сквозь десятилетия на события, изменившие целую жизнь, и на память, которая не угасает с годами.

Содержание

Глава 1. Прошлое 4
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Виктор Сталь
В плену прошлого

Глава 1. Прошлое

I. Роковые воспоминания

Михаил сидел в кресле-качалке, медленно покуривая туго набитую табаком трубку. Скрипучее кресло мирно покачивалось. В свои восемьдесят восемь лет он часто ловил себя на том, что подолгу смотрит куда-то в пустоту, неподвижно держа трубку в руке. Шел 2010 год. В кресле оставалась лишь его старая, уставшая оболочка, в то время как мысли уносились далеко в прошлое, к воспоминаниям почти семидесятилетней давности. 5 июля 1942 года. В то время он был совсем молодым двадцатилетним пареньком — высоким, под сто девяносто сантиметров, со слегка сутулой фигурой, худощавым лицом и ярко-голубыми глазами. Михаил помнил тот день до мельчайших подробностей. Они с матерью жили на ферме. Он как мог помогал ей в поле и кормил скотину. Отец ушел на фронт еще полгода назад. Первое время от него регулярно, каждый месяц, приходили письма, но по-

следние два месяца не было ни весточки. В тот день, закончив кормление животных, Михаил выпрямился, потянулся и немного размялся. Достав из кармана платок, он вытер пот со лба — на улице стояла удушливая жара, термометр показывал двадцать восемь градусов. Спрятав платок обратно, парень повернулся к бочкам с водой. Он подумал, что сейчас подойдет к ним, окатит голову прохладной водой, чтобы освежиться, и снова примется за работу. Неторопливо шагая в сторону бочек, Михаил повернул голову налево. Там раскинулись поля — их собственного и соседского — за полями, стеной тянулся хвойный лес. Среди темных елей и раскидистых кленов кое-где мелькали белые стволы с черными отметинами — родные, знакомые с детства березы. Повернул голову направо – там стояла их избушка. Черная, обветшалая, слегка провисшая от времени. Дому было уже восемьдесят лет: в свое время он достался родителям еще от дедушки и бабушки со стороны отца. Возле входа, прямо на крыльце, ютились письменный столик и маленькая табуретка. На ней сидела мама Михаила. С уставшим лицом она медленно перебирала старые письма отца, перечитывая их одно за другим. Ее звали Людмила. В свои сорок восемь лет она была невысокой, около ста пятидесяти восьми сантиметров, слегка полноватою с округлым лицом. Заметные морщины выдавали годы тяжелой работы, вечных переживаний и непростой жизни в целом, но карие глаза по-прежнему сохраняли глубокую выразительность, когда она всматривалась в строч-

ки. Пока отец оставался дома, Людмила была жизнерадостной, счастливой женщиной, которая постоянно смеялась и дарила всем свою красивую улыбку. Но стоило ему уйти на фронт, как она почти перестала улыбаться, замкнулась в себе и с головой ушла в работу. Михаил подошел к бочкам с водой, окунул голову, а затем полез в карман. Достал платок и принялся медленно вытирать лицо, после чего спрятал его обратно. К матери он направлялся не спеша, чутко прислушиваясь к звукам природы: пению птиц и шелесту листвы. Легкий ветерок нежно обволакивал кожу.

Подойдя ближе, он тихо спросил:

— Мама, от отца больше весточек не было?

Людмила подняла голову, и ее взгляд встретился со взглядом сына. Парень сразу заметил странное выражение ее лица — казалось, она только что плакала.

— Мишенька, отец мертв. Тело привезут через три дня, — ее голос задрожал. Плечи женщины судорожно заходили ходуном, а из глаз хлынули слезы.

— Мишенька, наш папа мертв! — повторила она сорвавшись.

Михаил почувствовал давящую боль в груди. Земля уходила из-под ног. Машинально отшатнувшись и сделав шаг назад, он безвольно опустил руки. По лбу катился холодный пот, глаза мгновенно налились слезами.

— Как убили?! Где убили?! — чуть ли не закричал он.

Людмила ответила тихо, едва слышным шепотом:

— Я не знаю... Ничего не знаю, Мишенька!

Михаил упал на колени, судорожно потянулся к матери и крепко прижал ее к себе.

— Мама, — выдохнул он, глотая слезы. — Мы справимся. Со всем справимся вместе.

Мысли Михаила вернуло карканье вороны.

II. Михаил

Михаил приоткрыл глаза. Посмотрел на трубку — та уже давно вся выгорела. Он огляделся по сторонам. С неба лениво падали редкие снежинки, приземлялись на землю и тут же таяли. Дул слегка прохладный октябрьский ветер, и по телу пробежала легкая дрожь. «Зима близко», — мысленно проговорил он. Прямо перед ним, метрах в пятистах, дружно играли дети — лепили снеговика. Старик подался вперед, издав легкий стон: «Ох...» Возраст у него был уже преклонный, от любого простого движения ныло все тело: то спину прихватит, то ногу.

Он залез рукой во внутренний карман, достал небольшой целлофановый сверток с табаком и положил на столик. Почистил трубку, набил ее, прикурил. Огонек тлел с каждым втягиванием. Михаил неспешно выпускал дым изо рта и носа. Опустошив трубку, он опустил руку во внутренний карман. Там его ждала элегантная шкатулка, обшитая алой тка-

нью, — совсем небольшая, но достаточно вместительная, чтобы хранить самые ценные вещи. Он осторожно открыл ее и потихоньку вытащил тот самый платок, аккуратно сложенный в небольшой пакетик с замком. Ткань от времени стала совсем ветхой — любое неаккуратное движение, и разорвется.

Бережно положив платок на колено, Михаил вновь потянулся к шкатулке. Там лежал кулон тех самых времен, из сорок второго года. На фотографии была запечатлена его мама, Людмила. Он долго всматривался в снимок, плавно ведя пальцем по металлу. Старик даже не заметил, как на глазах выступили слезы. Он осознал это лишь тогда, когда холодный ветер остро обжег влажные щеки. Михаил понимал, что скоро с ними встретится — и с мамой, и с отцом Владимиром. В душе разлилась сжимающая боль, будто нечто невидимое схватило за сердце и пыталось сдавить, выжать из него всю кровь. Мысленно он думал: «Сколько уже прошло времени, а я до сих пор помню все эти тяжелые события до мельчайших деталей. Лучше бы я их забыл».

Да, у Михаила были дети, трое: мальчик и две девочки. К сожалению, они уже выросли, построили свои семьи, и до отца теперь дела нет. Забыли или просто бросили. Зато к нему часто забегала Даша — жизнерадостная, молодая, энергичная девушка, которой недавно исполнилось шестнадцать лет. Она приходилась внучкой его соседу и близкому другу, с которым они вместе прошли Вторую мировую. Девочка реши-

ла остаться здесь, чтобы ухаживать за своим дедушкой. Заодно и к Михаилу прибегала, помогала по хозяйству. Училась она в местной школе. Раньше-то Дарья жила в Москве вместе с родителями, а сейчас — тут, в маленькой тихой деревушке под названием Полбино.

Деревня располагалась вокруг старых сосен и вековых елей. Лес подходил к самой околице, а местами даже забирался на задворки, цепляясь корнями за покосившиеся заборы. По утрам густой туман стелился по низинам, и казалось, что Полбино прячется в нем, не спеша открываться миру. Улицы здесь были неширокие, с глубокими колеями, которые дожди размывали до вязкой глины, а солнце потом подсушивало их в твердые гребни. Дома стояли вразнобой: одни — крепкие, с резными наличниками и новыми крышами, другие — с потемневшими от сырости бревнами и окнами, затянутыми пленкой. Между избами сиротливо высились желтые, засохшие кусты сирени и черемухи. В самом центре, чуть на взгорке, высилась школа. Там-то Дарья и училась. Стройная, зеленоглазая, одетая всегда по-простому, она собирала волосы в аккуратный хвостик.

Михаил уселся поудобнее, прижимаясь к спинке кресла. Он укрылся теплым пледом, располагаясь поуютнее и следя, чтобы тот не сполз. Глаза плавно закрылись. Мысли старика снова возвращались в 1942 год, в сентябрь месяц.

III. Трепет души

Михаил стоял возле кровати. Его когда-то живые глаза теперь были полностью потухшими; былой жизнерадостный парень превратился в тихого, серьезного мужчину. Два месяца назад, в июле, после известия о гибели отца, его тело действительно привезли через три дня, как и говорила мама.

В тот самый знойный июльский день к дому подъехал советский военный ЗИС-5В. В кабине сидели двое суровых мужчин в форме, а в кузове — шестеро молодых, крепких ребят. На них были простые летние гимнастерки, выцветшие от солнца. Парни быстро откинули задний борт. Трое из них остались в кузове, чтобы подавать груз, а трое других спустились на землю. Они бережно принимали сверху что-то очень тяжелое. Михаил тогда сразу все понял: там был отец.

Один из военных открыл дверь кабины ЗИС-5В, ступил на землю и, хлопнув дверью, ускоренным шагом направился к Людмиле. Тем временем парни уже спускали деревянный ящик. Это было самое страшное, во что Михаил до последнего не хотел верить. Он резко подбежал к гробу, где покоилось тело отца, упал на колени и судорожно попытался открыть крышку.

Когда крышка поддалась, он увидел отца: тот лежал мирно, сложив руки на груди. Михаил медленно перевел взгляд на его лицо. Оно было бледным, застывшим в вечном по-

кое, без единой улыбки, а во лбу темнело отверстие от пули. Тогда в голове у парня проносились горькие мысли: почему умер именно отец? Почему вместо него не взяли на службу меня?

Из глаз Михаила хлынули ручьи слез, тело судорожно затряслось. Он плакал, как маленький ребенок, и кричал от невыносимой боли. В груди бешено колотилось сердце, и этот гул отдавался в голове, словно стук тяжелого молотка. Молодые парни из похоронной команды молча стояли рядом. Лишь один из них сделал шаг вперед, осторожно положил руку на плечо Михаила и тихо сказал:

— Сочувствую твоей потере, парень. — Он немного помолчал и продолжил: — Твой отец погиб как герой. Он прекрасно понимал, на что идет, и отдал жизнь, спасая своих товарищей. Запомни его таким. Он бы точно не хотел, чтобы ты так терзал и винил себя.

Солдат убрал руку с его плеча и вернулся к остальным парням у машины, которые молча ждали окончания разговора. Тот суровый мужик из кабины все еще стоял возле матери, негромко объясняя ей что-то важное и передавая документы. Для Михаила это был первый жесткий урок, и он понимал, что сейчас времена сложные. А приглядеть за мамой и хозяйством может только он. Тем временем суровый мужчина закончил говорить. Он повернулся и зашагал также ускоренно в сторону машины. Открыв дверь, он поднял ногу на ступеньку, на мгновение повернул голову в сторону мо-

лодых парней и коротко приказал:

— Помогите перетащить ящик ближе к дому!

После этого он быстро залез в кабину. Ребята аккуратно подняли тяжелый ящик и тихо поставили его перед Людмилой. Один из парней выпрямился и тихо сказал с глубоким сожалением:

— Сочувствую вам в вашей потере, Людмила Геннадьевна.

Молодые ребята легким бегом добежали до машины, ловко запрыгнули в кузов, и грузовик тронулся, оставляя за собой лишь клубы серой пыли.

IV. Двойной удар

Ящик с телом стоял посередине двора, рядом стоял Михаил, Людмила. Как только машина уехала, Людмила подбежала к ящику и упала на колени, в кровь царапая кожу на них о жесткую землю. Внутри Людмилы было столько боли. Когда-то сдержанная, крепкая женщина. Плакала и кричала на всю ограду, руками махая и ударяя по груди мужа.

— Зачем ты меня бросил, ты же обещал, что мы вместе умрем!? — в ее голосе было столько горя, отчаяния, грусти.

Эта атмосфера осязала всю ограду и соседние дворы. Все смотрели через забор и молча наблюдали. Все понимали эту грусть и боль, каждый из них кого-то потерял. Кто-то деда, а кто мужа, сына. А у кого-то погибла дочка от насилия, ог-

ня, пули. Михаил стоял со слезами на глазах, в сердце была огненная боль, щемящее сердце. Ритм в груди бил быстро, в голове пульсировала кровь, руки судорожно сжимались в кулаки. Это чувство было от бессилия, когда ты ничего не можешь сделать или поменять. Перед тобой как будто выросла непробиваемая стена. Его зубы прикусывали губы в кровь.

Прошло время, отца похоронили на местном кладбище, на его похороны пришли под пятьдесят людей, каждый пришел попрощаться с героем. Позже Михаил узнал, что он спас более шестидесяти товарищей, в списке были как и взрослые мужики, так и молодые, совсем зеленые ребята, которые не понимали, что их ждет.

Дело происходило еще полгода назад, на дворе февраль 1942 года. Владимир в составе 33-й армии генерала Ефремова идет на прорыв к Вязьме. Коридор к своим уже узкий и под постоянным огнем — немцы методично сжимают кольцо. В эти дни группа еще держится как часть большого соединения, но уже ясно: выхода по дорогам не будет. Приходится уходить в леса, искать обходы, двигаться ночами. Именно тогда Владимир начинает брать на себя ответственность за небольшие группы — выводить тех, кто отстал, собирать раненых, искать безопасные низины для дневных укрытий.

Март-апрель: кольцо смыкается окончательно. Армия дробится на изолированные отряды, снабжение почти прекращается. Теперь спасение — это не атака, а скрытность:

переходы по оврагам и руслам ручьев, чтобы не оставлять четких следов; дневные стоянки в густых ельниках, где даже дым костра почти не виден. Владимир использует знание местности: он ведет людей там, где немцы не ждут — по топким, неудобным тропам, которые местные знали с детства. В эти месяцы он собирает разношерстную группу: к нему пробиваются бойцы из других подразделений, молодые зеленые ребята, которым нужен спокойный голос и твердое слово.

Май-июнь: группа уже не пытается идти напролом — она ищет слабые места в немецких заслонах. Это работа на грани: разведка по опушкам, наблюдение за сменой патрулей, ожидание момента, когда коридор между дозорами станет чуть шире. Владимир действует как проводник и тактик одновременно: он оставляет прикрывающих, чтобы выиграть время, и уводит основную массу в глушь, где даже тропинки знают только свои.

Июль: когда узкий коридор к своим наконец удается нащупать — между двумя деревнями, под прикрытием леса, — Владимир не идет первым. Он пропускает вперед молодых и раненых, а сам остается на кромке леса, чтобы прикрыть отход. Там, на этой кромке, его и убивает снайпер, попадая прямо в лоб. Владимир был готов к такому исходу, но он не побоялся, для него было важно спасти своих.

V. Людмила и Михаил

Сентябрь 1942 года. Михаил стоял у кровати с потухшим, отрешенным взглядом. Отца не стало, его уже предали земле. Но после похорон с Людмилой произошло нечто ужасное. От непосильного труда и бесконечных слез она будто окаменела, став похожей на холодный бетон. Через две недели женщина слегла с тяжелым недугом. Болезнь проявляла себя явно: высокая температура, изнуряющий кашель, чихание и страшная слабость — она таяла на глазах. Все указывало на тяжелую пневмонию.

Утром Михаил поднялся и подошел к матери. Она лежала в зале на старой панцирной кровати; ее тело было бледным, а на лбу покоилось смоченное водой полотенце. «Лихорадка началась», — обреченно подумал он. Михаил подбежал к ней и приложил руку ко лбу — тот пылал. Он взял полотенце, окунул его в таз с водой, слегка выжал и вернул на прежнее место.

Людмила приоткрыла уставшие глаза и медленно повернула голову к сыну.— Сыночек, со мной все будет хорошо... Я немного полежу и встану, — ее голос звучал хрипло, тихо и изнеможденно.Михаил опустился на край постели, коснулся ладонью материнской щеки и тихо произнес:— Мама, лежи, у тебя сильный жар и кашель, это признаки тяжелой болезни. — Его голос дрожал от глубокой, невыносимой грусти.

Он продолжил: — Тебе нельзя вставать. Все домашние дела я сделаю сам. Но сперва схожу на поле — нужно набрать полыни, чтобы сбить температуру и унять кашель. Михаил понимал, что надеяться можно только на целебные травы: в те военные годы лекарства и антибиотики были невероятной роскошью, которой не хватало даже на передовой.— Хорошо, — едва слышно, почти шепотом отозвалась Людмила.

Она плавно закрыла глаза и мысленно перенеслась в те дни, когда их семья была счастлива и жила в мире. Михаил тихо поднялся и, стараясь не шуметь, направился к выходу. На крыльце его встретил густой, влажный и пронизывающий прохладой туман. Когда-то в прошлом Михаил глубоко вдохнул бы этот свежий утренний воздух. Но сейчас на сердце лежал тяжелый, невыносимый камень, а все думы были лишь о том, как исцелить маму.

Он поспешил к бочкам, сполоснул лицо и руки, после чего направился к полям. Срывая стебли полыни, он вспоминал, как хорошо им жилось до войны — в мире, с улыбками и смехом. Вспоминал, как бегал к соседям, помогал по хозяйству, а взамен получал еду, сахар и другие гостинцы. Набрав достаточно травы, Михаил пошел обратно.

Дома он сложил полынь в кастрюлю и залил водой. Затем вышел во двор к сараю, набрал охапку дров и принес в избу. Открыв дверцу печи, он подбросил несколько поленьев, настругал щепы для розжига и затопил огонь. Через полчаса целебный отвар был готов. Михаил налил его в стакан и

направился к матери.

Он тихо приблизился и сказал:— Мама, выпей отвар, тебе должно стать легче.Людмила открыла глаза, приподнялась, опершись на локоть, и взяла стакан.— Спасибо, Мишенька, — так же слабо и хрипло прошептала она и, едва заметно улыбнувшись, добавила: — Миша, отец бы тобой гордился.

Впервые за последние полгода Михаил увидел ее прежнюю, живую улыбку.

Вдруг до его слуха донесся чей-то далекий голос:

— Дядя Миша... — звал кто-то издалека.

— Дядя Миша! — повторил тот же голос, окончательно возвращая его из воспоминаний в реальность 2010 года.

VI. Дарья и Михаил

Михаил открыл глаза. Перед ним стояла худенькая девочка — Даша, внучка соседа и его давнего друга. Это была на редкость заботливая и трудолюбивая девочка, чья улыбка всегда согревала Михаила, наполняя его душу тихой радостью.

Вглядевшись в его лицо, Даша удивленно и с явным беспокойством спросила:

— Дядя Миша, с вами всё хорошо? Вы какой-то уставший и грустный.

Михаил ненадолго замолчал, а затем негромко произнес:

— Да, Дашенька, всё хорошо.

— Дядя Миша, вы хоть кушали? Может, вам чем-то помочь? — никак не унималась она.

Он задумчиво смотрел на нее и лишь спустя несколько секунд ответил:

— Ох, можешь сварить супа, пожалуйста? — уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

— Хорошо, дядя Миша. Только вам тут не холодно сидеть? Может, мне проводить вас на диван? — в ее голосе прозвучало легкое переживание.

Он протянул руку, ласково положил ее на голову Даши и сказал уже чуть более живым голосом:

— Всё хорошо, мне не холодно. Лучше приготовь супа.

— Хорошо, — коротко отозвалась она.

Даша развернулась и направилась в дом. Михаил остался сидеть в кресле-качалке, которое лениво и монотонно поскрипывало. Он забил трубку табаком, поджёг его и принялся неторопливо курить. Погода за это время ничуть не изменилась: с неба всё так же лениво падал снег, а на площадке, метрах в пятистах, продолжали играть ребятишки.

Зайдя в дом, Даша сразу прошла на кухню. Она включила плиту, налила в кастрюлю воды и поставила её закипать. Затем присела на корточки, открыла шкафчик и достала картофель. Наполнив тазик водой и взяв нож, она принялась за работу — минут пять, и всё было готово. Следом она достала овощи и немного куриной грудки, аккуратно нарезав всё кубиками. К этому моменту вода в кастрюле уже закипела.

Даша подошла к плите и опустила туда мясо. Когда оно отварилось, став нежным и мягким, она добавила все остальные ингредиенты.

Спустя некоторое время суп был готов. Она бережно достала из шкафа тарелку, налила в неё горячего бульона и, бережно держа её в руках, медленно пошла на улицу. Подойдя к Михаилу, девочка мягко улыбнулась:

— Дядя Миша, суп готов.

Он немного приподнялся в кресле, чтобы было удобнее есть, и взял ложку.

— Приятного аппетита, — пожелала Даша.

Он взглянул на нее и коротко ответил:

— Спасибо.

— Дядя Миша, ну как, вкусно? — в ее глазах заблестели живые огоньки.

— Очень вкусно, спасибо, Дашенька, — с улыбкой отозвался он.

— Дядя Миша, может, ещё что-нибудь нужно? Я с радостью вам помогу, — искренне предложила она.

Михаил подумал про себя: «Если бы не Даша, я бы, скорее всего, уже ушел в пустоту». На его глаза навернулись слёзы, но в душе воцарилась удивительная легкость.

Даша наклонилась к нему, и на её лице вновь отразился испуг:

— Дядя Миша, дядя Миша! Вам плохо? Почему вы плачете? — в ее голосе послышался тот самый искренний страх,

который бывает, когда по-настоящему боишься за близкого человека.

— Всё хорошо, Дашенька, я просто... — он запнулся, выдержал паузу и продолжил, хотя его голос на секунду дрогнул: — Вспомнил прошлое. Когда сам был ребенком, точно так же готовил еду, помогал ей...

— Оо, а вы ведь никогда не рассказывали о своем прошлом! Может, расскажете? — на её лице отразился глубокий, неподдельный интерес.

— Хорошо. Только сперва занеси, пожалуйста, дровишек. Ближе к вечеру будем топить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.